

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА
ГЕРОЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на материале рассказа В. Короткевича «Белое пламя»)

Главный герой рассказа Владимира Короткевича «Белое пламя» Андрей Падкова родом из Беларуси. Он вспоминает *дом на беразе Нёмна* и *лугі Заходняй Беларусі*. Однако живет герой на Крайнем Севере: он занимается созданием школ для северных народов, переводом учебников на их языки и практически не имеет контактов с земляками. Таким образом, носитель одной картины мира попадает в непривычные для себя условия, и его картина мира, языковая в том числе, постепенно меняется.

Действие рассказа происходит в экстремальных погодных условиях, в регионе, где в культуре местных жителей значимым является концепт «снег». На основании известного примера Б. Уорфа о количестве наименований снега в языке эскимосов и отсутствии таковых в других языках можно предположить, что в тексте «Белого пламени» мы встретим большое количество слов, обозначающих разные виды и состояния снега. Анализ рассказа показывает, что встречающиеся в тексте лексические единицы которые можно отнести к семантическому полю «снег», весьма разнообразны. В качестве примеров приведем существительные *сняжынка*, *завея*, *наледзь*, *замець*, *лёд*, *занос*, *гурба*, *кілім*, причастия *занесены*, *заізелы*, прилагательные *снегавы*, *снежны*, *белы*, глагол *хрумстаць*. Однако для наименования элементов его картины мира главному герою Андрею Падкове достаточно белорусских слов – в тексте отсутствуют заимствования из языков северных народов. Отчасти это можно объяснить тем, что зима в Беларуси снежная и продолжительная, т.е. снег является достаточно значимым концептом, что находит отражение в языке. Возможно, это объясняется и тем, что главный герой еще не обладает такой развитой, как у жителей Крайнего Севера, способностью различать и, соответственно, называть виды снега.

Можно сказать, что в нашем случае значимость концепта «снег» в картине мира главного героя проявляется не только в разнообразии, но и в частотности слов, значение которых связано с ним, – описание погодных условий, снега и мороза занимает в тексте много места. Так, одно только слово *снег* встречается в тексте рассказа 25 раз, при этом 6 раз оно используется в форме множественного числа. Форму *снягі* мы интерпретируем как подчеркивающую вездесущность снега в картине мира героя. Примечательно, что даже одну из собак Андрея Падковы зовут *Сняжок*.

Особого внимания заслуживает восприятие главным героем цвета. Во-первых, в картине мира Андрея Падковы доминирует белый – прилагательное *белы* используется в тексте 15 раз, причем не только в сочетании со словом *снег*, хотя и относится практически во всех случаях к снегу, например, *мільёны белых пчол*, *белыя языкі*, *белы пакрой*, *белая падушка*,

и, конечно, *белае полымя*. Кроме слова *белы*, белизна обозначается синонимичными в рассматриваемом контексте или очень близкими по значению прилагательными *бледны* (*у гэтай краіне бледных снягоў*) и *сівы* (*сівая пара з ружовых вуснаў; сівы касмылёк валасоў*), а также глаголом *пасівець* (*пасівелі вейкі*).

Во-вторых, значимость белого в картине мира героя настолько велика, что в тексте даже выступает оппозиция *белый – не белый*, т.е. любого другого цвета, который может и не называться, например: *Падкова набачыў у кіламетры ад сябе гіганцкую стракатую пляму: вялізны табун аленяў или праз каляровае шкло акулараў бачыш ледзьве ўлоўную лінію небасхілу*. При этом *белый* для Андрея Падковы тождественен бесцветному, т.е. данную оппозицию можно иначе представить как *бесцветный – цветной*. Главный герой воспринимает окружающую его белизну как нечто бесцветное, с цветом у него ассоциируется только северное сияние. Так, рассматривая рисунки местных детей, он видит в них *тонкі каларызм, якому ў гэтай краіне бледных снягоў і размытых адценняў магло навучыць хіба толькі паўночнае ззянне з яго пералівамі чысцейшых фарбаў*. Именно в описаниях северного сияния в рассказе встречаются наименования ярких цветов, например, *смарагдавыя і малінавыя стрэлы паўночнага ззяння; нехта вялізны бавіўся, пускаючы ў неба рознакаляровыя дзіды. Яны варушыліся, перакрыжоўваліся, успыхвалі амеціставым, пранізліва-блакітным і чырвоным*.

При этом если цветом Севера у главного героя определено выступает *белый*, то с Беларусью ассоциируются *зеленый* и *золотой*: *цягне туды, пад зялёныя гіганцкія дрэвы; плюнуць на ўсё, паехаць туды, дзе зялёныя дрэвы; верасы пад залатымі соснамі на Нёмне; залатыя лугі Заходняй Беларусі*.

Концепт «родина» представлен в рассказе в контексте размышлений о возвращении домой и воспоминаний главного героя, которые можно разделить на приятные для него и неприятные. К положительным образам, кроме *роднага дома на беразе Нёмна*, отнесем, во-первых, образы белорусской природы (*бусліныя шапкі ў шатах векавых дубоў, залатыя лугі, верасы пад залатымі соснамі на Нёмне, зялёныя дрэвы*), а во-вторых, такие элементы картины мира Андрея Падковы, как *струменьчык малінавага варэння, што паўзе з лыжачкі, и чмяліны мёд*. Примерами элементов с негативной окраской служат *гудкі загнаных цягнікоў, стрэлы ў натоўп, раздзёртыя крыкам ірты*.

Главный герой хотел бы вернуться на родину (*да болю часам хацелася туды, на залатыя лугі Заходняй Беларусі*), но не может этого сделать, т.к. туда *зараз усё адно не было дарогі*. Свою землю он представляет метафорами *чужая рабыня, мачыха яму, Андрэю Падкове*, что связано с вхождением территории Западной Беларуси в состав Польши: *Западная Беларусь зараз звалася шыпячым і брыдкім словам “крэсы”*. Эпитеты *шыпячы* и *брыдкі* выражают негативное отношение героя к термину *крэсы*, что, по нашему мнению, понятно, т.к. этот термин имеет экспансионистскую окраску. Примечательно, однако, что если один из эпитетов – *брыдкі* – это оценочное

прилагательное, негативная коннотация которого не зависит от контекста, то значение второго эпитета – *шыпячы* – приобретает негативный оттенок именно в данном контексте. В слове *крэсы*, к которому герой относит слово *шыпячы*, ни в белорусском, ни в польском языке шипящих звуков нет. Поэтому предположим, что герой характеризует не само слово, а польский язык, которому свойственно частое использование шипящих согласных, возможно, таким способом выражая негативное отношение к политике Польши в Западной Беларуси. Эта тема представлена и в разговоре с учительницей Антосей, которая оказалась в детском доме, потому что ее мать *палякі застрэлілі*.

Интересным лингвистическим средством представления картины мира Андрея Падковы являются сравнения, которые можно разделить на несколько категорий. Во-первых, ряд сравнений в рассказе «Белое пламя» служит средством уподобления реалий Крайнего Севера, в частности связанных с образом жизни чукчей, более понятным главному герою и белорусскоязычным читателям, белорусским реалиям. Например, в сравнении *цёмныя, добрыя, бы ў каровы, вочы* главный герой отмечает сходство глаз оленя с глазами привычной нам коровы; в сравнении *ездавья камчацкія лайкі, бязлітасныя, як ваўкі*, собаки уподобляются обитающим в Беларуси волкам. О жителях Крайнего Севера Андрей Падкова говорит, что они *гасцінныя, як беларусы і рускія*, таким образом отмечая сходство этой черты характера с жителями Беларуси. К числу таких сравнений относятся также *твар стае чырвоным, як сасновая кара; пушыстыя, бы ў валёнках, лапы; вялікі, намерам са сподак для варэння, след; пахнучы дымам, як вэнджаны, вельмі гарачы чай; маленькая, падобная на сімпатичную шэранькую курачку; вузкія, нібы асакой прарэзаныя, вочкі*. Все перечисленные сравнения имеют белорусскую национальную окраску и выполняют функцию пояснения, прагматической адаптации, а кроме того, на наш взгляд, служат средством выражения ностальгии главного героя по родине.

Некоторые же сравнения имеют чукотскую национальную окраску, в чем проявляется определенная степень ассимиляции героем упоминаемых элементов картины мира чукчей. Так, например, в сравнении *ён трэція суткі ляжаў тут, пад снегам, як пясец* Андрей Падкова уподобляет себя северному животному. Описывая северное сияние, главный герой сравнивает его с персонажами чукотских народных легенд: *стрэлы пераліваліся, гулялі, бегалі і скакалі, як залатыя алені паўночных легенд*. Еще один персонаж рассказа, учительница из Беларуси Антося, описывает поезд как *вялізную, усю з жалеза, як лязо гарпуна, нарту*, используя чукотскую реалию *лезвие гарпуна*. Целевой аудиторией в данном контексте являются чукотские дети, чем и можно объяснить такое сравнение.

Кроме того, в тексте рассказа также встречаются сравнения, не имеющие национальной окраски и отражающие более общее, не являющееся национально-специфическим, восприятие героями окружающего мира, например, *шчырыя, як дзеці; яны былі Андрэю як браты; я тут зараз як у сваёй сям'і*.

Отметим также, что сравнение – это стилистическое средство, характерное не только для рассматриваемого произведения, но и для авторского стиля Владимира Короткевича в целом.

Н. М. Зуева (Мінск, Беларусь)

АКТУАЛІЗАЦЫЯ НАЦЫЯНАЛЬНАГА Ў МАСТАЦКАЙ ПРОЗЕ Л. КАЛЮГІ ПЕРЫЯДУ ССЫЛКІ

Творы Лукаша Калюгі (гады жыцця – 1909–1937) «Дзе косці мелюць», «Зэнка малы ніколі не быў», «Зоры Вам Вядомага горада» і раман «Пустадомкі» незавершаныя. Яны напісаныя ва ўмовах лагернага жыцця і ссылак, і таму маюць вялікае значэнне для беларускай літаратуры. Кожны з чатырох твораў Лукаша Калюгі дайшоў да сучаснікаў па шчаслівай выпадковасці. Напісаныя ў няволі творы надзвычай эмацыйныя, у іх адсутнічае традыцыйны сюжэт, выразная кампазіцыя, акрэсленая тэма і праблема.

Найбольш цэласным у плане сюжэтнай будовы твор, напісаны Калюгам за кратамі, – раман «Пустадомкі». Гэты твор ўдалося адшукаць Яўгену Лецку і апублікаваць у часопісе «Полымя» № 8 у 1990 годзе. Раман расказвае пра жыццё гарадскога студэнцтва, інтэлігентаў-мастакоў напачатку 1930 гадоў. Назва рамана «Пустадомкі» сімвалічная, яна мае вузкі сэнс. «Пустадомкамі» адчуваюць сябе ў горадзе інтэлігенты, якія выйшлі з сялян. Так, Марка, прачытаўшы братэрскі ліст, у якім той называе падобных сабе «пустадомкамі», меркаваў, «што гэна адно яны там, у гарадох, пустадомкамі парабіліся. А тут (не адно ў Шылавіч, але і ў вакулічнасці) яшчэ такія даматуры, што – проша прыехаць паглядзець!..» [1, с. 451].

Цэнтральнымі праблемамі ў рамане з’яўляюцца характар і абставіны, прыстасавальніцтва і бескампраміснасць, знішчэнне чалавека-гаспадара. Маральная немажоннасць калюгавага інтэлігента выяўляецца ў драматычных абставінах. У рамане «Пустадомкі» яскрава паказаны сыны Чугаеўскіх: Марка і Даніла. Першы застаўся пры бацьках на гаспадарцы, а другі – ужо каторы год жыве ў Мінску. Для абодвух сыноў выпрабаваннем на чалавечнасць з’яўляецца іх нечаканая высылка як кулакоў. Адзін з іх, Марка, паспяхова спраўляецца з гэтым выпрабаваннем, не аддзяляецца ад маці, а наадварот падтрымлівае як можа: «*Але быў пры ёй Марка – неадступны сын <...> У горы пазнаюцца лепшыя й горшыя дзеці. Марка ні на хвілінку не адступаўся ад мацеры*» [Там жа, с. 453]. Брат Даніла, «каменнае яго сэрца!» [Там жа, с. 454], не вытрымлівае экзамен, у той жа дзень уцякае першым цягніком, ратуе сябе. Пераможаным выходзіць з гэтай жорсткай праверкі і паэт Арсень Пакумейка, які паступова становіцца прыстасаванцам. У творы балюча і крыўдліва гучала туга па незваротнасці мінулых дзён, калі адышлі ў нябыт многія народныя святы і звычаі. Гэта, напрыклад, бачна, калі Даніла Невядомскі дасылае ліст брату Марку Чугаеўскаму: «Любы браце! Ты заўва-